Дж. М.

Кутзее

Школьные дни Иисуса

Страсть эгоистична.
Любовь — нет.

Лучшее из лучшего. Книги лауреатов
мировых литературных премий

Джон Кутзее

Школьные дни Иисуса

«Эксмо»

2013

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44

Кутзее Д. М.

Школьные дни Иисуса / Д. М. Кутзее — «Эксмо», 2013 — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий)

ISBN 978-5-699-95969-3

В «Школьных днях Иисуса» речь пойдет о мальчике Давиде, собирающемся в школу. Он учится общаться с другими людьми, ищет свое место в этом мире. Писатель показывает проблемы взросления: что значит быть человеком, от чего нужно защищаться, что важнее – разум или чувства? Но роман Кутзее не пособие по воспитанию – он зашифровывает в простых житейских ситуациях целый мир. Мир, в котором должен появиться спаситель. Вот только от кого или чего нужно спасаться?

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-699-95969-3

© Кутзее Д. М., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 16
Глава 4 22
Глава 5 27
Глава 6 33
Глава 7 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Дж. М. Кутзее
Школьные дни Иисуса

Algunos dicen: Nunca segundas partes fueron buenas[1].
«Дон Кихот», II.4

J. M. Coetzee
The Schooldays of Jesus

Copyright © by J. M. Coetzee, 2016. By arrangement with Peter Lampack Agency, Inc. 350 Fifth Avenue, Suite 5300 New York, NY 10118 USA.

Перевод с английского *Ш. Мартыновой*

Оформление серии: *К.А. Терина*
Дизайн переплета: *А.Г. Сауков*

В оформлении переплета использована иллюстрация *М. Мовшиной*

Глава 1

Он ожидал, что Эстрелла будет обширнее. На карте она выглядит точкой того же размера, что и Новилла. При этом Новилла – большой город, Эстрелла же – всего лишь расползшийся провинциальный городок в глуши среди холмов, полей и садов, и по нему петляет ленивая речка.

Удастся ли начать в Эстрелле новую жизнь? С жильем в Новилле можно было полагаться на Центр переселения. Обретут ли здесь они с Инес и мальчиком дом? Центр переселения благодетелен, он – само воплощение благодетельности, безличного сорта, но распространится ли его благодетельность на беглецов от закона?

Хуан, автостопщик, примкнувший к ним по дороге в Эстреллу, предлагает поискать работу где-нибудь на ферме. Фермерам всегда нужны рабочие руки, говорит он. На больших фермах есть даже общежития для сезонных работников. Если не апельсинный сезон, значит, яблочный, а если не яблочный, так виноградный. Эстрелла и окрестности – настоящий рог изобилия. Он им подскажет, если они желают, ферму, где когда-то работали его друзья.

Они с Инес переглядываются. Прислушаться ли к совету Хуана? Не в деньгах дело – у него, Симона, их по карманам достаточно, запросто хватит и на гостиницу. Но вдруг новилльские власти и впрямь их преследуют, и тогда, вероятно, лучше бы им смешаться с безымянными поденщиками.

– Да, – говорит Инес. – Поехали на ферму. Хватит сидеть в машине. Боливару нужно побегать.

– Мне тоже так кажется, – говорит он. – Однако ферма – это не лагерь отдыха. Ты готова, Инес, целыми днями собирать фрукты на солнцепеке?

– Сколько надо – столько и отработаю, – говорит Инес. – Не меньше и не больше.

– А можно я тоже буду фрукты собирать? – спрашивает мальчик.

– К сожалению, нет, ты – нет, – говорит Хуан. – Это противозаконно – детский труд.

– Я не против потрудиться дитем, – говорит мальчик.

– Не сомневаюсь, что фермер даст тебе пособирать фрукты, – говорит он, Симон. – Но немного. Не столько, чтобы это стало трудом.

Они проезжают всю Эстреллу по главной улице. Хуан показывает им рыночную площадь, административные здания, скромный музей и галерею искусств. Они пересекают реку по мосту, оставляют город позади и двигаются вдоль берега, покуда не приближаются к внушительному дому на склоне холма.

– Это ферма, которую я имел в виду, – говорит Хуан. – Здесь мои друзья нашли работу. *Refugio* – на задах. На вид убогое, но вообще-то довольно уютное.

Refugio – это два сарая из оцинкованного железа, соединенные крытым переходом; сбоку – умывальня. Он ставит машину. Встречать их не выходит никто, если не считать сивого пса на негнущихся лапах, который рычит на них с натянутой цепи, обнажив желтые клыки.

Боливар развертывается и выскальзывает из машины. Чужую собаку он оглядывает издалека, после чего решает ею пренебречь.

Мальчик забегает в сараи, появляется вновь.

– У них двухэтажные койки! – кричит он. – Можно мне на верхнюю? Пожалуйста!

Из-за дома выходит крупная женщина в красном фартуке поверх свободного хлопкового платья, вперевалку приближается к ним по тропе.

– День добрый, день добрый! – выкликает она. Осматривает груженую машину. – Вы издалека?

– Да, издалека. Скажите, не нужны ли вам дополнительные рабочие руки?

– Дополнительные руки нам нужны всегда. Чем больше рук, тем проще труд – так в книжках пишут, верно?

– Нас всего двое – мы с женой. У нашего друга иные дела. А это наш мальчик, его зовут Давид. А это Боливар. Найдется ли для Боливара место? Он член нашей семьи. Мы без него никуда.

– Боливар – его настоящее имя, – говорит мальчик. – Он немецкая овчарка.

– Боливар. Хорошее имя, – говорит женщина. – Необычное. Мы наверняка найдем для него место – если будет хорошо себя вести, согласится на объедки и не будет ни с кем драться или гонять кур. Работники еще в садах, а я сейчас покажу вам жилье. Слева – господа, справа – дамы. Семейных комнат у нас, увы, нет.

– Я буду где господа, – говорит мальчик. – Симон говорит, что мне можно на верхнюю койку. Симон мне не отец.

– Как пожелаете, молодой человек. Места достаточно. Остальные вернутся…

– Симон – ненастоящий мой отец, а Давид – ненастоящее мое имя. Хотите узнать настоящее?

Женщина бросает на Инес растерянный взгляд, а Инес делает вид, что его не замечает.

– Мы, пока ехали, играли в игру, – вмешивается Симон. – Чтобы время скоротать. Примеряли новые имена.

Женщина пожимает плечами.

– Остальные вернутся скоро, к обеду, и вы сможете познакомиться. Плата – двадцать *reales* в день, для мужчин и женщин одинаково. Рабочее время – от рассвета до заката, в полдень двухчасовой перерыв. На седьмой день – отдых. Таков естественный порядок, таков порядок, которому мы следуем. С трапезами так: мы даем продукты, вы готовите сами. Устраивает? Справитесь? Раньше доводилось собирать фрукты? Нет? Скоро научитесь, это не высокое искусство. Шляпы есть? Шляпы вам понадобятся, солнце бывает лютое. Что еще добавить? Вы меня всегда найдете в доме. Меня звать Роберта.

– Очень приятно, Роберта. Я – Симон, а это Инес, а это Хуан, наш проводник, я его отвезу обратно в город.

– Добро пожаловать на ферму. Уверена, мы поладим. Хорошо, что у вас свой автомобиль.

– Он доставил нас издалека. Это верный автомобиль. Чего еще желать от автомобиля, кроме верности.

Они разгружают машину, а из садов начинают сбредаться работники. Все знакомятся, им предлагают обед, в том числе и Хуану: домашний хлеб, сыр и оливки, громадные миски с фруктами. Их собратьев – человек двадцать, включая семью с пятью детьми, которых Давид настороженно оценивает со своего места за столом.

Прежде чем отвезти Хуана в Эстреллу, он, Симон, на миг уединяется с Инес.

– Что думаешь? – шепчет он. – Останемся?

– Вроде хорошее место. Я бы осталась, осмотреться. Но нам нужен план. Я не для того приехала в такую даль, чтобы осесть простой работницей.

Они с Инес уже поскитались. Если их преследуют власти, нужно быть осмотрительными. Но преследуют ли их? Стоит ли им бояться преследования? Хватит ли властям возможностей забрасывать своих служащих в удаленные уголки земли ради погони за шестилетним прогульщиком? Действительно ли тревожит власти Новиллы, ходит ребенок в школу или нет, лишь бы грамоте был обучен? Он, Симон, в этом сомневается. Но вдруг гоняются не за ребенком-прогульщиком, а за парой, которая незаконно объявила себя его родителями и не пускает его в школу? Если на самом деле ищут не ребенка, а их с Инес, не лучше ли залечь на дно, пока преследователи, отчаявшись, не откажутся от погони?

– На неделю, – предлагает он. – Давай побудем простыми работниками одну неделю. А потом подумаем еще.

Он едет в Эстреллу и высаживает Хуана у дома его друзей, которые держат типографию. Вернувшись на ферму, он вместе с Инес и мальчиком обследует окрестности. Они посещают сады, и там их посвящают в таинства секатора и прививочного ножа. Давида влечет прочь от них, он исчезает неведомо куда вместе с другими детьми. Возвращается к ужину, руки и ноги исцарапаны. Они лазали по деревьям, говорит он. Инес хочет намазать ему царапины йодом, но он не дается. Спать укладываются рано, как и все остальные, Давид – на милой ему верхней койке.

Когда наутро приезжает грузовик, они с Инес уже спешно позавтракали. Давид с ними не ел, он все еще трет глаза. Вместе с новыми товарищами они забираются в кузов и прибывают на виноградники; следуя их примеру, они с Инес взваливают на плечи корзины и берутся за работу.

Пока они трудятся, дети предоставлены сами себе. Их в ватаге пятеро, под предводительством самого старшего мальчика по имени Бенги, высокого, тощего, в густых черных кудрях; они мчат вверх по склону к запруде, что направляет воду на виноградники. Прежде плескавшиеся здесь утки встревоженно взмывают в воздух – все, кроме одной пары, у которой птенцы еще не научились летать; эта пара гонит свой выводок к дальнему берегу. Недостаточно быстро, впрочем: вопящие дети оказываются на том берегу раньше и вынуждают уток плыть обратно к середине запруды. Бенги принимается швырять камни, дети помладше берут с него пример. Птицы не могут улететь, а лишь плавают кругами и громко крякают. Камень попадает в селезня, он красочнее самки. Тот вздымается над водой, падает и плещет сломанным крылом. Бенги издает победный клич. Шквал камней и комьев земли удваивает силу.

Они с Инес с сомнением прислушиваются к шуму, прочим сборщикам все равно.

– Что там происходит, по-твоему? – спрашивает Инес. – Давиду ничего не угрожает?

Он бросает корзину, взбирается на холм, подходит к запруде и видит, как Давид с такой яростью толкает старшего мальчика, что тот спотыкается и едва не падает.

– Прекрати! – слышит он, как кричит Давид.

Мальчик изумленно смотрит на своего обидчика, после чего разворачивается и кидает в уток еще один камень.

Тут Давид бросается в воду, одетый, в ботинках, и принимается плескать на уток.

– Давид! – зовет его он, Симон. Ребенок не обращает на него внимания.

Внизу, на виноградниках, Инес бросает корзину и бежит. Последний раз она при нем напрягала силы, когда год назад играла в теннис. Бежит она медленно – набрала вес.

Из ниоткуда появляется громадный пес и несется мимо нее, как стрела. Он в мгновение ока сигает в запруду – и вот уж рядом с Давидом. Хватает его зубами за рубашку и тянет к берегу; ребенок бьется и сопротивляется.

Прибегает Инес. Собака укладывается, уши торчком, глаз с нее не сводит, ждет знака, а Давид, мокрый насквозь, ревет и колотит пса кулаками.

– Ненавижу тебя, Боливар! – орет он. – Тот мальчик кидался камнями, Инес! Он хотел убить утку!

Он, Симон, берет буйствующего мальчика на руки.

– Успокойся, успокойся, – говорит он. – Утка не умерла – смотри! – у нее просто шишка будет. Скоро поправится. Так, дети, по-моему, вам лучше уйти отсюда, пусть утки успокоятся и живут дальше. А ты не смей говорить, что ненавидишь Боливара. Ты любишь Боливара, мы все это знаем, а Боливар любит тебя. Он думал, ты тонешь. Он тебя спасти пытался.

Давид сердито вырывается у него из рук.

– Я хотел спасти утку, – говорит он. – Я не просил Боливара ко мне плыть. Боливар – дурак. Глупая собака. Теперь *ты* давай спасай ее, Симон. Давай-давай, спасай!

Он, Симон, снимает ботинки и рубашку.

– Ну, раз ты настаиваешь, я попробую. Хотя, скажу я тебе, для утки спасение может быть не таким, как ты себе думаешь. Возможно, для нее спасение состоит и в том, чтоб люди оставили ее в покое.

Пришли еще несколько сборщиков винограда.

– Не лезь, давай я, – говорит мужчина помоложе.

– Нет. Ты добрый человек, но это мой ребенок затеял. – Он снимает штаны и в одних трусах заходит в бурую воду. Почти без всплеска рядом возникает пес. – Уйди, Боливар, – бормочет он. – Меня спасать не нужно.

Сгрудившись на берегу, сборщики смотрят, как уже немолодой господин с телосложением уж более не таким, какое было во дни его работы грузчиком, потакает своему ребенку.

Запруда мелкая. Даже в самом глубоком месте вода не поднимается выше его груди. Однако в мягком иле на дне почти не двигаются ноги. Нипочем ему не поймать селезня с перебитым крылом, что плещется на поверхности рваными кругами, не говоря уж об уткематери, которая теперь уже добралась к дальнему берегу и вместе с выводком уковыляла в заросли.

Дело за него делает Боливар. Призраком скользнув мимо, лишь голова торчит из воды, он догоняет раненую птицу, тисками смыкает на бессильном крыле челюсти и волочет птицу к берегу. Поначалу селезень буйно сопротивляется, бьется и плещет, но потом вдруг словно сдается и смиряется с судьбой. Когда он, Симон, вылезает из воды, утка уже на руках у молодого человека, предложившего сплавать вместо него, а дети с любопытством осматривают птицу.

Хоть и изрядно уже над горизонтом, солнце едва согревает его. Он, дрожа, натягивает одежду.

Бенги – тот, кто бросил камень, из-за которого и возникла сумятица, – гладит совершенно безучастную птицу по голове.

– Пожалей птичку за то, что ты с ней сделал, – говорит молодой человек.

– Мне ее очень жалко, – бормочет Бенги. – А мы можем ей крыло вылечить? Может, дощечку привяжем?

Молодой человек качает головой.

– Это дикое созданье, – говорит он. – Не станет бинты носить. Не беда. Эта утка готова умереть. Она приняла это. Посмотри. Посмотри ей в глаза. Она уже мертва.

– Пусть поживет у меня на койке, – говорит Бенги. – Я ее кормить буду, пока она не поправится.

– Отвернись, – говорит молодой человек.

Бенги не понимает.

– Отвернись, – говорит молодой человек.

Он, Симон, шепчет Инес, которая тем временем вытирает мальчика:

– Не дай ему смотреть.

Она вжимает голову мальчика к себе в подол. Он сопротивляется, но она держит крепко.

Молодой человек стискивает утку между колен. Стремительное движение – и все кончено. Голова теперь неловко болтается, пленка затягивает глаза. Молодой человек вручает тушку в перьях Бенги:

– Иди похорони его, – приказывает он. – Давай.

Инес отпускает мальчика.

– Идите вместе, – говорит ему он, Симон. – Помоги похоронить птицу. Чтобы твой друг все сделал как следует.

Чуть погодя мальчик находит их с Инес на винограднике.

– Ну как, похоронили бедную утку? – спрашивает он.

Мальчик качает головой.

– Мы не смогли вырыть яму. У нас лопаты не было. Бенги спрятал ее в кустах.

– Нехорошо это. Когда день закончу, пойду и сам похороню. Покажешь мне где.

– Зачем он это сделал?

– Зачем молодой человек освободил его от страданий? Я тебе уже объяснил. Потому что утка со сломанным крылом была бы беспомощна. Перестала бы есть. И зачахла бы.

– Нет, зачем Бенги это сделал?

– Я уверен, что это он не со зла. Просто камни кидал, ну и так вышло.

– А детки тоже умрут?

– Конечно, нет. У них есть мама, она о них позаботится.

– Но кто же будет давать им молоко?

– Птицы – они другие, не как мы. Они не пьют молоко. Но вообще молоко дают матери, а не отцы.

– А они найдут себе *padrino?*

– Вряд ли. Не думаю, что у птиц бывают *padrino* – так же, как и молоко. *Padrino* – это человеческая затея.

– Ему не жалко – Бенги. Он сказал, что ему жалко, но на самом деле нет.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что он хотел убить эту утку.

– Я не согласен, мой мальчик. Вряд ли он до конца понимал, что делает. Он просто швырялся камнями, как все мальчишки. В глубине души он не собирался никого убивать. А потом, когда увидел, какое красивое созданье эта птица, когда увидел, какой ужас натворил, он раскаялся и ему стало жалко.

– Ему не стало жалко. Он мне сам сказал.

– Если сейчас не жалко, значит, скоро будет. Его совесть не даст ему покоя. Так люди устроены. Если мы делаем плохое, радости нам от этого никакой. Нам совесть не дает.

– Да он сиял! Я видел! Он сиял и швырял камни изо всех сил! Он хотел их всех убить!

– Не знаю, что ты подразумеваешь под сиянием, но даже если он сиял, даже если швырялся камнями, это не доказывает, что в глубине души он хотел убить птиц. Мы не всегда способны предвидеть последствия наших действий – особенно в молодости. Не забывай: он сам предложил выходить птицу со сломанным крылом, поселить ее у себя на койке. Что еще мог он сделать? Отозвать назад брошенные камни? Не получится. Прошлое не переделать. Что сделано, то сделано.

– Он ту птицу не похоронил. Просто бросил в кусты.

– Мне очень жалко, но птица мертва. Мы не можем ее оживить. Мы с тобой сходим ее похоронить, как только дневная работа закончится.

– Я хотел ее поцеловать, а Бенги мне не дал. Сказал, что она грязная. Но я ее все равно поцеловал. Залез в кусты и поцеловал.

– Это хорошо, я рад. Для нее это будет важно – что кто-то ее любил и поцеловал после того, как она умерла. И важно будет для нее, что ее как следует похоронили.

– Хорони сам, если хочешь. Я не буду.

– Ладно, я сам. А если мы придем завтра поутру и увидим, что могила пуста, а вся утиная семейка плавает в запруде – папа, мама и дети, все на месте, – мы поймем, что целование действует, что целованием можно воскрешать из мертвых. А если не увидим, если не увидим утиную семейку…

– Я не хочу, чтобы они вернулись. Если они вернутся, Бенги просто возьмет и опять закидает их камнями. Ему не жалко. Он просто притворяется. Я *знаю*, что он притворяется, а ты мне не веришь. Ты мне никогда не веришь.

Ни лопаты, ни кирки не находится, и он заимствует в грузовике монтировку. Мальчик ведет его туда, где в кустах лежит дохлая утка. Перья уже потускнели, а до глаз добрались муравьи. Он вырубает монтировкой ямку в каменистой почве. Она недостаточно глубока, и нельзя считать это достойными похоронами, однако он опускает птицу в ямку и кое-как присыпает ее. Жилистая лапка все равно торчит наружу. Он собирает камни и складывает их на могилу.

– Ну вот, – говорит он мальчику. – Как сумел.

Когда они наутро приходят навестить это место, камни разбросаны, а утки нет. Повсюду перья. Они ищут, но ничего не находят – кроме головы с пустыми глазницами и одной лапы.

– Жалко, – говорит он и понуро уходит к остальной бригаде.

Глава 2

Через два дня сбор винограда завершается, грузовик увозит последние корзины.

– Кто будет есть весь этот виноград? – интересуется Давид.

– Его не будут есть. Его отожмут на виноградном прессе, а сок превратят в вино.

– Мне не нравится вино, – говорит Давид. – Оно кислое.

– Вкус к вину – дело наживное. Пока мы молоды, нам оно не нравится, а когда становимся старше, у нас появляется к нему вкус.

– У меня к нему вкус не появится никогда.

– Это ты сейчас так говоришь. Поживем – увидим.

Обобрав виноградники подчистую, они переходят в оливковую рощу, где раскладывают сетки и с помощью длинных крючьев снимают оливки. Работа эта тяжелее, чем сбор винограда. Он ждет полуденных перерывов, жар долгих дней выносить трудно, он часто отвлекается, чтобы попить или просто восстановить силы. У него почти не укладывается в голове, что всего несколько месяцев назад он работал в порту грузчиком, таскал тяжести и при этом едва ли потел. Спина и руки утратили былую силу, сердце бьется лениво, донимает боль в сломанном ребре.

От Инес, непривычной к физическому труду, он ждал жалоб и ворчания. Но нет: она работает бок о бок с ним дни напролет, безрадостно, однако и бессловесно. Ей не нужно напоминать, что это она решила сбежать из Новиллы и пожить по-цыгански. Что ж, вот она и узнала, как живут цыгане: горбатятся на чужих полях от рассвета до заката, всё ради куска хлеба и нескольких реалов в кармане.

Ну хоть мальчику все нравится – мальчику, ради которого они сбежали из города. После краткой высокомерной отчужденности он вновь прибился к Бенги и его ватаге – даже будто бы стал вожаком. Ибо именно он, а не Бенги, раздает теперь приказы, а Бенги и все остальные смиренно их выполняют.

У Бенги три младшие сестры. Они носят одинаковые ситцевые платья, собирают волосы в одинаковые хвостики с одинаковыми красными бантами и играют во все игры мальчишек. У себя в новилльской школе Давид отказывался иметь дела с девчонками. «Вечно они шепчутся и хихикают, – говорил он Инес. – Глупые». Теперь же он впервые играет с девочками и глупыми их, похоже, совсем не считает. Он изобрел одну игру, в которой нужно забраться на крышу сарая рядом с оливковой рощей и прыгать оттуда на удачно расположенную кучу песка. Иногда он и младшая сестра прыгают, взявшись за руки, скатываются с песочной кучи клубком рук и ног и встают на ноги, фыркая от смеха.

Младшая девочка, чье имя Флорита, ходит за Давидом тенью, куда бы тот ни направлялся; тот никак ее не отталкивает.

Во время полуденного перерыва одна сборщица оливок подначивает ее.

– Ты завела себе *novio*, как я погляжу, – говорит она. Флорита сумрачно смотрит на нее. Возможно, не знает такого слова. – Как его звать? Как зовут твоего *novio?* – Флорита вспыхивает и убегает.

Когда девчонки прыгают с сарая, платья у них раскрываются, как лепестки цветов, и открывают взорам одинаковые розовые трусики.

Винограда после сбора все еще навалом, целые корзины. Дети набивают себе рты, а руки и лица у них липкие от сладкого сока. У всех, кроме Давида, который ест по одной виноградине, выплевывает косточки и тщательно моет потом руки.

– Остальные могли бы поучиться у него манерам, – отмечает Инес. «У моего мальчика, – хочется ей добавить, и он, Симон, это видит, – у моего умного, воспитанного мальчика. Совсем он не такой, как эти голодранцы».

– Он растет быстро, – соглашается он. – Возможно, слишком быстро. Мне его поведение иногда видится… – он медлит с этим словом, – слишком *авторитетным*, чересчур властным. Ну или мне так кажется.

– Он мальчик. У него сильный характер.

Цыганская жизнь Инес, может, и не подходит, и ему она не подходит тоже, а вот мальчику нравится, без сомнения. Он, Симон, никогда не видел его таким подвижным, таким заводным. Он просыпается рано, ест жадно, а потом носится с друзьями весь день. Инес пытается навязать ему кепку, но кепка вскоре теряется и не находится. Когда-то он был бледен, а сейчас загорелый, как желудь.

Не с малюткой Флоритой он ближе всех, а с Майте, ее сестрой. Майте семь лет, она старше его на несколько месяцев. Из трех сестер она самая хорошенькая – и самая заботливая по натуре.

Однажды вечером мальчик исповедуется Инес.

– Майте попросила меня показать ей мой пенис.

– И? – говорит Инес.

– Она говорит, что, если я покажу ей свой пенис, она покажет мне свою штучку.

– Тебе надо больше играть с Бенги, – говорит Инес. – Не стоит все время играть с девочками.

– Мы не играли, мы разговаривали. Она говорит, что, если я засуну пенис в ее штучку, у нее будет ребенок. Это правда?

– Нет, неправда, – говорит Инес. – Вымыл бы кто-нибудь этой девочке рот с мылом.

– Она говорит, что Роберто ходит к женщинам в комнату, когда они спят, и засовывает пенис в штучку ее маме.

Инес бросает на него, Симона, беспомощный взгляд.

– То, что делают взрослые, иногда кажется странным, – вмешивается он. – Когда вырастешь – поймешь лучше.

– Майте говорит, что мама заставляет его надевать воздушный шарик себе на пенис, чтобы не было ребенка.

– Да, все правильно, некоторые люди так делают.

– А ты надеваешь на пенис шарик, Симон?

Инес встает и выходит.

– Я? Шарик? Нет, конечно, нет.

– Тогда, раз ты не надеваешь, у Инес будет ребенок?

– Мой мальчик, ты рассуждаешь о половом акте, а половой акт – дело людей женатых. Мы с Инес – не женаты.

– Но ты же можешь делать половой акт, даже если вы не женаты?

– Да, можно совершить половой акт, если ты не женат. Но иметь детей, когда не женат, – скверная штука. В целом.

– Почему? Потому что такие дети – *huérfano?*

– Нет, ребенок, родившийся у незамужней женщины, – не *huérfano. Huérfano* – это нечто другое. Где ты нашел это слово?

– В Пунта-Аренас. Многие мальчики в Пунта-Аренас – *huérfanos.* А я сам *huérfano?*

– Конечно, нет. У тебя есть мама. Инес – твоя мама. А *huérfano* – это ребенок, у которого вообще никаких родителей.

– Откуда берутся *huérfanos*, если у них нет родителей?

– *Huérfano* – это ребенок, у которого родители умерли и оставили его одного на белом свете. Или иногда у матери нет денег на еду, и она отдает ребенка другим людям, чтобы они за ним присматривали. За ним или за ней. Вот так получается *huérfano*. Ты – не *huérfano.* У тебя есть Инес. У тебя есть я.

– Но вы с Инес – не мои настоящие родители, значит, я *huérfano*.

– Давид, ты прибыл на корабле, как и я, как и все люди вокруг нас – те, кому не выпала удача здесь родиться. Скорее всего, Бенги, его брат и сестры тоже приплыли на кораблях. Когда переплываешь океан на корабле, все воспоминания смываются, и ты начинаешь совершенно новую жизнь. Вот так все устроено. Никакого «прежде» нету. Никакой истории. Корабль причаливает в порту, мы сходим по трапу – и оказываемся здесь и сейчас. Отсюда начинается время. Ход часов. Ты – не *huérfano*. Бенги – не *huérfano*.

– Бенги родился в Новилле. Он мне сам сказал. Он никогда не плавал на корабле.

– Хорошо, если Бенги, его брат и сестры родились здесь, тогда их история тоже начинается здесь, и они не *huérfanos*.

– Я помню время до того, как оказался на корабле.

– Ты мне уже говорил. Многие люди говорят, будто помнят жизнь, какая была у них до того, как они пересекли океан. Но с такими воспоминаниями есть неувязка, а поскольку ты умный, я думаю, ты понимаешь, в чем она состоит. Неувязка состоит в том, что нам никак не определить, настоящие ли это воспоминания или же придуманные. Потому что иногда придуманные воспоминания кажутся такими же настоящими, как настоящие, особенно когда нам *хочется*, чтобы они такими были. Например, кто-то желал бы быть царем или благородным господином до того, как пересек океан, и так сильно он этого хочет, что убеждает себя, будто он и впрямь был царем или господином. Однако такая память, скорее всего, ненастоящая. Почему? Потому что цари – штука довольно редкая. Лишь один человек на миллион становится царем. И потому, если кто-то помнит себя царем, это, скорее всего, выдумка, а сам человек забыл, что все придумал. То же и с другими воспоминаниями. И никак не проверить, настоящее у человека воспоминание или ложное.

– Но я разве родился у Инес из живота?

– Ты вынуждаешь меня повторяться. Я могу сказать либо «Да, ты родился у Инес из живота», либо «Нет, ты родился не у Инес из живота». Ни тот, ни другой ответ не приблизит нас к истине. Почему? Потому что, как и у всех, кто прибыл на корабле, ты не можешь этого вспомнить – и Инес не может. А раз не можешь вспомнить, значит, и ей, и тебе, и всем нам остается лишь придумывать истории. Например, я могу тебе сказать, что в свой последний день прежней жизни я стоял в огромной толпе, ждущей отправления, такой громадной, что пришлось вызвать по телефону капитанов и лоцманов в отставке, чтобы они прибыли в порт помогать. И в той толпе, мог бы я сказать, я увидел тебя и твою маму – собственными глазами. Твоя мать держала тебя за руку, у нее был встревоженный вид, она не понимала, куда податься. И тут, мог бы я сказать, я потерял вас обоих из виду, в толпе. Когда наконец пришла моя очередь взойти на борт, я увидел тебя – одного, ты цеплялся за леер и кричал: «Мама, мама, ты где?» Я подошел, взял тебя за руку и сказал: «Пойдем, дружочек, я тебе помогу найти маму». Вот так мы и познакомились… Вот такую историю я мог бы рассказать – как впервые увидел тебя и твою маму – как запомнил.

– Но это *правда?* Это *настоящая* история?

– Правда ли это? Не знаю. Такое *чувство*, что да. Чем больше я ее себе рассказываю, тем правдивее она кажется. Ты кажешься правдой – ты цепляешься за леер так крепко, что приходится отлеплять тебе пальцы; толпа в порту кажется правдой – сотни тысяч людей, все потеряны, как ты, как я, с пустыми руками и тревожными глазами. Автобус кажется правдой – автобус, который доставил старых капитанов и лоцманов в порт, на них были темно-синие мундиры, которые они вынули из сундуков у себя на чердаках, от них все еще пахло мазутом. Кажется правдой от начала и до конца. Но, быть может, все это кажется правдой, потому что я очень часто себе это повторял. У тебя есть чувство, что это правда? Ты помнишь, как тебя разлучили с мамой?

– Нет.

– Нет, конечно, не помнишь. Но ты не помнишь, потому что этого не случилось или потому что забыл? Мы никогда не узнаем наверняка. Так все устроено. С этим нам приходится жить.

– Думаю, я – *huérfano*.

– А я думаю, ты просто так говоришь, потому что это кажется романтичным – быть на белом свете одному, без родителей. Ну так позволь тебе сообщить, что Инес для тебя – лучшая мама на свете, а раз у тебя лучшая мама на свете, ты точно не *huérfano*.

– Если у Инес родится ребенок, он мне будет братом?

– Братом или сестрой. Но у Инес не будет ребенка, потому что мы с Инес не женаты.

– Если я засуну свой пенис в штучку к Майте и у нее родится ребенок, он будет *huérfano?*

– Нет. У Майте не родится никакой ребенок. Вы с ней еще маленькие, чтобы рожать детей, – и слишком маленькие, чтобы понять, почему взрослые люди женятся и совершают половой акт. Взрослые люди женятся, потому что у них друг к другу страстные чувства, а у вас с Майте таких нету. Вы с ней не можете испытывать страсть, потому что еще слишком маленькие. Поверь на слово и не проси меня объяснить, почему так. Страсть невозможно объяснить, ее можно лишь пережить. А точнее, ее приходится испытать внутри прежде, чем она станет понятна снаружи. Важно вот что: вам с Майте нельзя совершить половой акт, потому что половой акт без страсти бессмыслен.

– Это будет ужасно?

– Нет, не ужасно, просто неумно делать такие вещи – неумно и распущенно. Еще вопросы?

– Майте говорит, что хочет за меня замуж.

– А ты? Ты хочешь жениться на Майте?

– Нет. Я никогда не женюсь.

– Ну, ты еще успеешь передумать, когда придут страсти.

– А вы с Инес собираетесь жениться?

Он не отвечает. Мальчик трусит к двери.

– Инес! – кричит он. – Вы с Симоном собираетесь жениться?

– *Цыц!* – сердито откликается Инес. Она возвращается в общежитие. – Хватит болтать. Тебе пора в постель.

– У тебя есть страсти, Инес? – спрашивает мальчик.

– Тебя это не касается, – отвечает Инес.

– Почему ты никогда не хочешь со мной разговаривать? – спрашивает мальчик. – Симон вот со мной разговаривает.

– Я с тобой разговариваю, – говорит Инес. – Но не о личном. А теперь – чистить зубы.

– Не будет у меня страстей, – объявляет мальчик.

– Это ты сейчас так говоришь, – отзывается он, Симон. – А когда вырастешь – увидишь, что у страстей своя жизнь. А теперь быстренько чисти зубы, и, может, мама почитает тебе на ночь.

Глава 3

Роберта, которую они в первый день приняли за хозяйку фермы, оказалась таким же нанятым работником, как они, – ее взяли присматривать за другими работниками, снабжать их едой и платить им за труд. Она дружелюбный человек, ее здесь все любят. Ей интересна личная жизнь работников, она оделяет детишек маленькими подарками: сладостями, печеньем, лимонадом. Они узнают, что фермой владеют три сестры, которых в округе знают просто как Трех Сестер, они уже пожилые, бездетные и время свое проводят либо на ферме, либо в Эстрелле.

У Роберты происходит долгая беседа с Инес.

– Как же вы собираетесь учить сыночка? – спрашивает она. – Он, я вижу, умный малый. Жалко будет, если у него все сложится, как у Бенги, – этот школы толком и не видел. Это не значит, что Бенги плохой. Он славный мальчик, но без всякого будущего. Будет таким же работягой на ферме, как и его родители, а что это за жизнь – по большому-то счету?

– Давид ходил в школу в Новилле, – говорит Инес. – Неудачно. У него не было хороших учителей. Он от природы умный ребенок. Занятия в классе оказались для него слишком медленными. Пришлось его забрать и обучать на дому. Боюсь, если опять сдадим его в школу, выйдет то же самое.

Рассказ Инес об их делах со школьной системой в Новилле не вполне правдив. О неурядицах с властями в Новилле они решили помалкивать, но Инес, очевидно, считает допустимым доверять старшей женщине, и он, Симон, не вмешивается.

– А он хочет в школу? – спрашивает Роберта.

– Нет, не хочет – после того, что он пережил в Новилле. Здесь, на ферме, он совершенно счастлив. Ему нравится свобода.

– Для ребенка это чудесная жизнь, но сбор урожая вообще-то заканчивается. И носиться по ферме дикарем – не подготовка к будущему. Вы о частном педагоге не думали? Или о какой-нибудь академии? Академия – это не обычная школа. Может, такому ребенку, как ваш, академия подойдет.

Инес молчит. Он, Симон, заговаривает – впервые.

– Частный преподаватель нам не по карману. А академии… В Новилле их нет. По крайней мере никто о них не говорил. А что такое академия? Если это просто затейливое наименование школы для беспокойных детей, для детей себе на уме, нам такое не нужно – правда, Инес?

Инес качает головой.

– В Эстрелле две Академии, – говорит Роберта. – Они вовсе не для беспокойных детей. Одна – Пения, а вторая – Танца. А есть еще Атомная школа – но она для детей постарше.

– Давиду нравится петь. У него хороший голос. Но что происходит в этих академиях помимо пения и танцев? Там обычные уроки бывают? А таких маленьких детей туда берут?

– Я не специалист в образовании, Инес. Все семьи, с которыми я знакома в Эстрелле, отдают детей в нормальные школы. Но, уверена, Академии учат основным навыкам – ну, чтению, письму и всякому такому. Могу спросить у сестер, если хотите.

– А что это за Атомная школа? – спрашивает он. – Чему там учат?

– Они учат про атомы. Смотрят на атомы в микроскоп, чем они, атомы, там занимаются. А больше я ничего не знаю.

Они с Инес переглядываются.

– Мы будем иметь эти академии в виду, – говорит он. – А пока мы совершенно счастливы жить здесь, на ферме. Как думаете, сможем мы остаться здесь после того, как сбор урожая закончится, если предложим сестрам небольшую плату за постой? Иначе нам при-

дется связываться с морокой регистрации в *Asistencia*, искать работу и жилье, а мы к этому не готовы пока – правда, Инес?

Инес качает головой.

– Давайте я поговорю с сестрами, – говорит Роберта. – С сеньорой Консуэло. Она самая практичная. Если скажет, что можно здесь остаться, вам, наверное, стоит связаться с сеньором Роблесом. Он дает частные уроки, недорого. Из любви работает.

– Кто такой сеньор Роблес?

– Окружной инженер водоснабжения. Живет в нескольких километрах дальше по долине.

– С чего бы инженеру водоснабжения давать частные уроки?

– Он много чем еще занят помимо инженерного дела. У него уйма талантов. Пишет историю освоения этой долины.

– Историю. Я не знал, что у таких мест, как Эстрелла, есть история. Если дадите номер телефона, я свяжусь с сеньором Роблесом. А вы не забудете поговорить с сеньорой Консуэло?

– Не забуду. Не сомневаюсь, она не будет против, если вы останетесь, пока не подыщете что-нибудь постоянное. Вам наверняка хочется перебраться в собственный дом.

– Не очень. Нас устраивает, как все складывается. Для нас жить по-цыгански – все еще приключение, правда, Инес?

Инес кивает.

– И ребенок доволен. Он учится жизни, даже если не ходит в школу. Есть ли на ферме еще какая-нибудь работа, чтобы я мог воздать вам за доброту?

– Разумеется. Работа здесь всегда найдется. – Роберта задумчиво умолкает. – Вот еще что. Я уверена, вы знаете, что в этом году перепись населения. Переписчики – люди очень тщательные. Они приезжают на каждую ферму, даже на самые дальние. Если вы пытаетесь уклониться от переписи – а я этого не утверждаю, – вам не удастся, если здесь останетесь.

– Мы не пытаемся ни от чего уклониться, – говорит он, Симон. – Мы не беглецы. Мы всего лишь желаем нашему ребенку лучшего.

На следующий день после обеда к ферме подъезжает грузовик, и с него спрыгивает тучный, краснолицый мужчина. Роберта встречает его и ведет в общежитие.

– Сеньор Симон, сеньора Инес, это сеньор Роблес. Я вас оставлю, поговорите о своих делах.

Разговор у них краток. Сеньор Роблес, как он сам сообщает им, любит детей и хорошо с ними ладит. Он с радостью познакомит юного Давида, которого так хвалила сеньора Роберта, с основами математики. Если они согласятся, он будет заезжать на ферму дважды в неделю – давать мальчику урок. Никакой платы ни в каком виде он не примет. Общение с юным живым умом будет ему достаточной наградой. Сам он, увы, бездетен. Его жена ушла в мир иной, и он один в этом мире. Если среди детей сборщиков кто-то еще пожелает примкнуть к урокам с Давидом, сеньор Роблес будет рад. Родители – сеньора Инес и сеньор Симон – тоже, конечно, могут присутствовать на занятиях, само собой.

– А вам не скучно будет преподавать азы математики? – спрашивает он, Симон, родитель.

– Разумеется, нет, – говорит сеньор Роблес. – Для истинного математика основы науки – самая интересная часть, и обучение юных умов основам – самое дерзкое начинание; дерзкое и благодарное.

Они с Инес рассказывают о предложении сеньора Роблеса нескольким сборщикам на ферме, но когда подходит время первого занятия, присутствуют лишь Давид – единственный ученик, и он, Симон, – единственный родитель.

– Мы знаем, что такое «один», – говорит сеньор Роблес, начиная урок, – а вот что такое «два»? Таков интересующий нас сегодня вопрос.

День стоит теплый и безветренный. Они сидят под тенистым деревом у общежития, за столом – сеньор Роблес напротив Давида, он, Симон, тоже сбоку, скромно, с Боливаром у ног.

Сеньор Роблес достает из нагрудного кармана две авторучки и кладет их рядом на столе. Из другого кармана извлекает маленькую склянку, вытрясает из нее две белые пилюли и кладет их рядом с авторучками.

– Что общего между этими… – удерживает ладонь над авторучками, – и этими… – ладонь над пилюлями, – молодой человек?

Мальчик молчит.

– Не обращая внимания на их отношение к письму или медицине, рассматривая их просто как предметы – нет ли некоего качества, которое и у этого, – он отодвигает авторучки слегка вправо, – и у этого, – отодвигает пилюли чуть левее, – общее? Какого-нибудь качества, которое делает их похожими?

– Это две авторучки и две пилюли, – говорит мальчик.

– Хорошо! – говорит сеньор Роблес.

– Две пилюли одинаковые, а две авторучки – нет, потому что одна синяя, а вторая красная.

– Но их по-прежнему две, правда? Так что же за качество у пилюль и авторучек общее?

– Что их по две. Две авторучки и две пилюли. Но это разные две.

Сеньор Роблес бросает на него, Симона, раздраженный взгляд. Достает из кармана еще одну ручку и одну пилюлю. Теперь на столе три авторучки и три пилюли.

– А что общего у этих… – ладонь над авторучками, – …и у этих? – ладонь над пилюлями.

– Что их по три, – говорит мальчик. Но это не одни и те же три, потому что авторучки – разные.

Сеньор Роблес не обращает внимания на это уточнение.

– Но им не обязательно быть авторучками или пилюлями, верно? Я мог бы запросто заменить авторучки апельсинами, а пилюли – яблоками, ответ вышел бы тот же: их по три. Три слева – апельсины – имеют общее свойство с тремя справа – с яблоками. В каждом наборе – по три. Итак, что мы узнали? – И, не успевает мальчик ответить, сообщает ему, что́ они узнали: – Мы узнали, что три не зависит от того, что́ входит в набор, будь то яблоки, апельсины, авторучки или пилюли. Три – свойство, которое для всех этих наборов общее. И, – тут он убирает одну авторучку и одну пилюлю, – три – не то же самое, что два, потому что, – он раскрывает ладонь, а в ней – исчезнувшая авторучка, исчезнувшая пилюля, – я вычел по одному предмету из каждого набора. Так что же мы узнали? Мы узнали о том, что такое «два» и что такое «три», и в точности так же можем разобраться, что такое «четыре», «пять» и так далее до сотни, или до тысячи, или до миллиона. Мы поняли кое-что о числах, а именно: любое число – наименование свойства, общего для определенных наборов предметов в мире.

– До миллиона миллионов, – говорит мальчик.

– До миллиона миллионов – и далее, – соглашается сеньор Роблес.

– До звезд, – говорит мальчик.

– До числа звезд, – соглашается сеньор Роблес, – которое вполне может быть бесконечным, этого мы пока не знаем наверняка. Итак, чего мы достигли на первом занятии? Мы выяснили, что такое «число», а также нашли способ счета – один, два, три и так далее – способ переходить от одного числа к другому в определенном порядке. Давай подытожим. Скажи мне, Давид, что такое «два»?

– Два – это когда на столе две авторучки, или две пилюли, или два яблока, или два апельсина.

– Да, хорошо, почти точно, но не вполне. Два – это их общее свойство, и яблок, и апельсинов, и любых других предметов.

– Но они должны быть твердые, – говорит мальчик. – Мягкими они быть не могут.

– Это могут быть и твердые, и мягкие предметы. Любые предметы на свете годятся, без всяких ограничений, если их больше одного. Это важно. Любой предмет на свете подчиняется арифметике. Более того – любой предмет во вселенной.

– Но не вода. Или рвота.

– Вода – не предмет. Стакан воды – предмет, но вода сама по себе – нет. Можно сказать иначе: вода – несчетная. Как воздух или земля. Воздух и земля тоже несчетные. Но можно посчитать ведра земли или канистры воздуха.

– Это хорошо? – спрашивает мальчик.

Сеньор Роблес возвращает авторучки в карман, складывает пилюли обратно в склянку и обращается к нему, Симону.

– В следующий раз приеду в четверг, – говорит он. – Перейдем к сложению и вычитанию – как нам объединить наборы, чтобы получилась сумма, или убрать составляющие набор части и посчитать разницу. А пока пусть ваш сын поупражняется в счете.

– Я уже умею считать, – говорит мальчик. – Я могу досчитать до миллиона. Я сам научился.

Сеньор Роблес встает из-за стола.

– Кто угодно может досчитать до миллиона, – говорит он. – Важно понимать, что такое числа на самом деле. Чтобы иметь крепкую основу знания.

– Вы уверены, что не останетесь? – спрашивает он, Симон. – Инес заваривает чай.

– Увы, у меня нет времени, – говорит сеньор Роблес и уезжает в облаке пыли.

Инес возникает с чайным подносом.

– Уехал? – говорит она. – Я думала, останется на чай. Очень короткий урок получился. Как все прошло?

– Он в следующий раз будет в четверг, – говорит мальчик. – Займемся четырьмя. Сегодня занимались двумя и тремя.

– Не вечно ли вам в таком случае заниматься, если вы разбираете по одному числу за раз? – говорит Инес. – Побыстрее нет способа?

– Сеньор Роблес хочет, чтобы основа знания была крепкой, – говорит он, Симон. – Когда основы окажутся крепко заложены, мы будем готовы возвести на них чертоги нашего математического знания.

– Что такое «чертоги»?

– Чертоги – это такое здание. Эти конкретные чертоги будут, как мне кажется, иметь вид башни, тянущейся высоко в небо. Постройка башен требует времени. Нужно запастись терпением.

– Ему достаточно научиться складывать, – говорит Инес, – чтобы не быть в жизни ущербным. Зачем ему быть математиком?

Молчание.

– Что скажешь, Давид? – говорит он, Симон. – Хочешь дальше заниматься? Ты узнал что-то новое?

– Я уже знаю про четыре, – говорит мальчик. – Я знаю все числа. Я говорил, но вы не слушаете.

– Думаю, надо отказаться от занятий, – говорит Инес. – Пустая трата времени. Поищем еще кого-нибудь, чтоб учил, кого-то, кто может научить складывать.

Он сообщает эту весть Роберте («Какая жалость! – говорит она. – Но родители – вы, вам виднее») и звонит сеньору Роблесу.

– Мы вам бесконечно признательны, сеньор Роблес, за вашу щедрость и терпение, но мы с Инес думаем, что мальчику нужно что-то попроще, что-нибудь более практическое.

– Математика не проста, – говорит сеньор Роблес.

– Математика не проста, согласен, но мы и не собирались делать из Давида математика. Мы просто не хотим, чтобы ему пришлось разбираться с последствиями того, что он не ходил в школу. Мы хотим, чтобы он уверенно обращался с числами.

– Сеньор Симон, я видел вашего сына лишь единожды, я не психолог, у меня инженерное образование, но кое-что я вам все же сказать могу. Подозреваю, что юный Давид, возможно, страдает от того, что называется расстройством познавательной функции. Это означает, что ему не хватает определенной умственной способности, в данном случае – способности классифицировать предметы на основании их сходства. Эта способность дается нам, обычным людям, так естественно, что мы едва ее замечаем. Это способность видеть предметы как составляющие классов, и она делает возможным сам язык, речь. Нам нет нужды видеть каждое дерево как отдельную сущность, как это устроено у животных, – мы способны рассматривать дерево как представителя *класса* деревьев. Поэтому же возможна и математика.

Почему я заговорил о классификации? Потому, что в некоторых редких случаях эта способность слаба – или ее нет. Таким людям всегда трудно с математикой и языком абстракций в целом. Подозреваю, что ваш сын – как раз такой человек.

– Зачем вы мне все это говорите, сеньор Роблес?

– Затем, что, по моему мнению, вы обязаны разобраться в этом как следует – ради вашего мальчика, после чего, вероятно, найти ему подходящую форму обучения. Я бы настоятельно советовал вам назначить встречу с психологом – желательно со специалистом по расстройствам познавательной функции. Департамент образования сможет предоставить вам необходимые сведения.

– Подобрать подходящую форму образования – в каком смысле?

– Попросту говоря, я вот о чем: если ему так и не удастся разобраться с числами и абстрактными понятиями, ему, вероятно, лучше будет, к примеру, отправиться в ремесленную школу, где он обучится полезным практическим навыкам – к примеру, слесарному или плотницкому делу. Вот и все. Я взял на заметку, что вы хотите прекратить наши занятия математикой, и с вашим решением согласен. Думаю, оно разумно. Желаю вам, вашей жене и сыну счастливого будущего. Спокойной ночи.

– Я потолковал с сеньором Роблесом, – говорит он Инес. – Я отменил занятия. Он считает, что Давид должен пойти в ремесленную школу и выучиться на слесаря.

– Вот бы сюда этого сеньора Роблеса, я б ему врезала по лицу, – говорит Инес. – Он мне сразу не понравился.

На следующий день он едет в глубь долины к сеньору Роблесу и оставляет у задней двери литр фермерского оливкового масла – с запиской. «Спасибо вам от Давида и его родителей», – гласит записка.

Затем у них с мальчиком происходит серьезный разговор.

– Если мы найдем тебе другого учителя, кого-то, кто выучит тебя простому сложению, а не математике, ты будешь слушать? Будешь делать, что тебе говорят?

– Я сеньора Роблеса слушал.

– Ты прекрасно знаешь, что сеньора Роблеса ты не слушал. Ты подрывал его авторитет. Ты над ним насмехался. Ты говорил глупости – умышленно. Сеньор Роблес – умный человек. У него ученая степень в инженерном деле, университетская. Ты мог бы у него поучиться, но решил подурачиться.

– Я не дурачился, это сеньор Роблес дурачился. Я уже умею складывать. Семь и девять будет шестнадцать. Семь и шестнадцать будет двадцать три.

– Тогда чего ты не показал ему, как умеешь складывать, когда он тут был?

– Потому что, если по его, нужно сначала сделаться маленьким. Нужно сделаться маленьким, как горошина, а потом маленьким, как горошина в горошине, а потом как горошина в горошине в горошине. И тогда можно разбираться с его числами, когда ты маленький-малюсенький-малюсенький-малюсенький-премалюсенький.

– И зачем же быть таким маленьким, чтобы разбираться с его числами?

– Потому что его числа – ненастоящие.

– Ну вот лучше б ты ему это все объяснил, а не дурачился и не раздражал его; ты его оттолкнул от себя.

Глава 4

Идут дни, ветрами задувает зима. Бенги и его семья отбывают. Роберта предлагает отвезти их на станцию, где они смогут сесть в автобус на север и поискать работу на фермах среди великих равнин. Майте с сестрами, облаченные в одинаковые наряды, заглядывают попрощаться. У Майте для Давида подарок: маленькая коробочка, которую она сделала из жесткого картона, довольно изящно разрисованная орнаментами из цветов и лоз.

– Это тебе, – говорит она. Давид бесцеремонно и без всякой благодарности принимает коробочку. Майте подставляет щеку для поцелуя. Давид прикидывается, что не заметил. Устыженная Майте убегает. Даже Инес, которой девочка не нравится, задета ее огорчением.

– Почему ты так жестоко обошелся с Майте? – сурово спрашивает он, Симон. – А если вы больше никогда не увидитесь? Зачем ей такое скверное воспоминание о тебе на всю оставшуюся жизнь?

– Мне нельзя спрашивать тебя, значит, тебе нельзя спрашивать меня, – говорит мальчик.

– Спрашивать тебя о чем?

– Спрашивать меня зачем.

Он, Симон, растерянно качает головой.

В тот вечер Инес находит коробочку в мусоре.

Они хотят узнать побольше об Академиях – Пения и Танца, но Роберта, кажется, обо всем забыла. Мальчик же, судя по всему, совершенно счастлив сам по себе, снует по собственным делам или сидит у себя на койке, зачитавшись своей книжкой. Но Боливар, который поначалу участвовал во всех его делах, теперь предпочитает оставаться дома – спать.

Мальчик жалуется на Боливара.

– Боливар меня больше не любит, – говорит он.

– Он любит тебя, как и прежде, – говорит Инес. – Он просто уже не так молод. Ему уже не в радость носиться весь день, как тебе. Он устает.

– Год для собаки – все равно что семь лет для нас, – говорит он, Симон. – Боливар теперь – средних лет.

– Когда он умрет?

– Не скоро. У него впереди еще долгие годы.

– Но он умрет?

– Да, он умрет. Собаки умирают. Они такие же смертные, как и мы. Если хочешь питомца, который проживет дольше тебя, – заводи слона или кита.

В тот же день он рубит дрова – такую он взял на себя работу, – и мальчик приходит к нему со свежей мыслью.

– Симон, ты видел большую машину в сарае? Можно положить в нее оливки и сделать масло?

– Не думаю, что получится, мой мальчик. Мы с тобой недостаточно сильные, чтобы крутить колеса. В давние времена для этого использовали вола. Привязывали его к столбу, и он ходил кругами – крутил колеса.

– И они потом давали ему попить масла?

– Если он хотел оливкового масла, ему давали масло. Но обычно волы не пьют оливковое масло. Оно им не нравится.

– А он давал им молоко?

– Нет, молоко дают коровы, а не волы. Волу нечего дать, кроме своего труда. Он ворочает оливковый пресс или таскает плуг. За это мы его защищаем. Мы защищаем его от его врагов – от львов и тигров, которые хотят его убить.

– А кто защищает львов и тигров?

– Никто. Львы и тигры не желают на нас работать, и мы их поэтому не защищаем. Им приходится защищаться самим.

– Здесь есть львы и тигры?

– Нет. Ушли их времена. Львы и тигры исчезли. В прошлом. Если хочешь львов и тигров, нужно искать их в книгах. Волов тоже. Дни волов почти сочтены. Ныне работу за нас делают машины.

– Нужно изобрести машину, чтобы собирала оливки. Тогда вам с Инес не пришлось бы работать.

– Это правда. Но если изобретут машину для сбора оливок, у нас не будет работы, а значит, и денег. Это старое противоречие. Некоторые люди – за машины, а некоторые – за ручной сбор.

– Я не люблю работать. Работа – это скучно.

– В таком случае тебе повезло, что у тебя есть родители, которым работать не лень. Потому что без нас ты бы голодал, и вряд ли бы тебе это понравилось.

– Я бы не голодал. Мне бы Роберта еду давала.

– Да, несомненно – по доброте душевной она давала бы тебе еду. Но ты действительно хочешь так жить – по чужой милости?

– Что такое милость?

– Милость – это благоволенье других людей, чужая доброта.

Мальчик смотрит на него странно.

– Нельзя бесконечно полагаться на чужую доброту, – продолжает он, Симон. – Нужно давать, а не только брать, иначе будет не поровну, несправедливо. Ты каким человеком хочешь быть: который дает или который берет? Какой лучше?

– Который берет.

– Правда? Ты правда так считаешь? Разве давать не лучше, чем брать?

– Львы не дают. Тигры не дают.

– А ты хочешь быть тигром?

– Я не хочу *быть* тигром. Я просто тебе говорю. Тигры – не плохие.

– Тигры – и не хорошие. Они – не люди, поэтому они вне добра и зла.

– Ну, я и человеком быть не хочу.

«Я и человеком быть не хочу». Он пересказывает разговор Инес.

– Меня тревожит, когда он так рассуждает, – говорит он. – Не сделали ли мы большую ошибку, забрав его из школы, растя вне общества, позволяя носиться дикарем с другими детьми?

– Он любит животных, – говорит Инес. – Ему не хочется быть, как мы, – сидеть да тревожиться о будущем. Он хочет быть свободным.

– Не думаю, что он имеет в виду это, когда говорит, что не хочет быть человеком, – говорит он. Но Инес не слушает.

Роберта появляется с сообщением: их приглашают к сестрам на чай, в четыре часа, в большой дом. Давид пусть тоже придет.

Инес достает из чемодана лучшее платье и туфли к нему. Суетится с прической.

– Я не была у парикмахера с тех пор, как мы уехали из Новиллы, – говорит она. – Выгляжу как безумица. – Она заставляет мальчика облачиться в рубашку с оборками и в ботинки на пуговицах, хотя он жалуется, что они ему малы и трут ноги. Она мочит ему волосы и приглаживает их расческой.

Ровно в четыре часа они приходят к дверям. Роберта ведет их по длинному коридору в заднюю часть дома, в комнату, загроможденную столиками, табуретками и пуфами.

– Это зимняя гостиная, – говорит Роберта. – Здесь после обеда солнечно. Присаживайтесь. Сестры скоро будут. И, прошу вас, ни слова об утке – помните? – которую другой мальчик убил.

– Почему? – спрашивает мальчик.

– Потому что это их расстроит. У них мягкие сердца. Они хорошие люди. Им хочется, чтобы ферма была приютом диких созданий.

Пока они ждут, он, Симон, рассматривает картины на стенах: акварели – пейзажи (он узнает запруду, где плавали злополучные утки), приятные, но любительски выполненные.

Входят две женщины, за ними Роберта вносит чайный поднос.

– Вот они, – нараспев говорит Роберта, – сеньора Инес и ее муж, сеньор Симон, а это их сын Давид. Сеньора Валентина и сеньора Консуэло.

Женщинам – они явно сестры – шестьдесят с чем-то, седовласые, одеты сдержанно.

– Почтен знакомством, сеньора Валентина, сеньора Консуэло, – говорит он, кланяясь. – Позвольте поблагодарить вас за кров в вашем прекрасном поместье.

– Я им не сын, – говорит Давид спокойным ровным голосом.

– О, – говорит одна из сестер в деланом изумлении, Валентина или Консуэло, он не знает, кто из них кто. – И чей же ты сын тогда?

– Ничей, – твердо отвечает Давид.

– Значит, ты ничей сын, юноша, – говорит Валентина или Консуэло. – Интересно. Интересное обстоятельство. Сколько тебе лет?

– Шесть.

– Шесть. И в школу ты не ходишь, насколько я понимаю. Не хочешь в школу?

– Я ходил в школу.

– И?

Вмешивается Инес:

– Мы отправили его в школу там, где до этого жили, но у него были неудачные учителя, и мы решили обучать его на дому. Пока.

– Они устраивали детям контрольные, – добавляет он, Симон, – ежемесячные контрольные, чтобы проверять их успехи. Давиду не понравилось, что его оценивают, и он писал в контрольных глупости, и в результате вышли неприятности. У всех нас.

Сестра не обращает на него внимания.

– Ты бы не хотел ходить в школу, Давид, и общаться с другими детьми?

– Я предпочитаю учиться дома, – сухо отвечает Давид.

Другая сестра меж тем наливает чай.

– Сахар нужно, Инес? – спрашивает она. Инес качает головой. – А вам, Симон?

– Это чай? – спрашивает мальчик. – Я не люблю чай.

– Не хочешь – не пей, – говорит сестра.

– Вам, наверное, любопытно, Инес, Симон, – говорит первая сестра, – зачем вас сюда пригласили. Ну, Роберта рассказывала о вашем сыне, о том, какой он умный мальчик, умный и общительный, как он впустую тратит время с детьми сборщиков, а должен бы учиться. Мы с сестрой обсудили это и думаем сделать вам предложение. А если вам любопытно, кстати, где наша третья сестра, поскольку я знаю, что мы известны всей округе как Три Сестры, скажу вам, что сеньора Альма, к сожалению, не расположена. Она страдает меланхолией, и сегодня как раз такой день, когда меланхолия взяла верх. Один из ее черных дней, как она их называет. Но она с нашим предложением полностью согласна.

Предложение же таково: мы запишем вашего сына в одну из частных академий в Эстрелле. Роберта немножко рассказала вам об Академиях, как я понимаю, – Пения и Танца. Мы рекомендовали бы Академию Танца. Мы знакомы с ее директором, сеньором Арройо, и с его женой – и можем за них поручиться. Помимо обучения танцам, они предлагают отлич-

ное общее образование. Мы с сестрой будем отвечать за оплату обучения вашего сына, пока он в Академии.

– Мне не нравится танцевать, – говорит Давид. – Я люблю петь.

Сестры переглядываются.

– У нас нет личных связей в Академии Пения, – говорит Валентина или Консуэло, – но, думаю, не ошибусь, если скажу, что они не предлагают общего образования. Их задача – учить на профессиональных певцов. Хочешь быть профессиональным певцом, Давид, когда вырастешь?

– Не знаю. Я пока не знаю, кем хочу быть.

– Ты не хочешь быть пожарным или машинистом, как другие мальчики?

– Нет. Я хотел быть спасателем, но мне не дали.

– Кто не дал?

– Симон.

– И почему же Симон против, чтобы ты был спасателем?

Он, Симон, говорит:

– Я не против, чтобы он был спасателем. Я не против никаких его планов и грез. Что до меня – его мать, возможно, думает иначе, – так пусть будет спасателем, или пожарником, или певцом, или человеком с луны, если ему так захочется. Я не управляю его жизнью – я даже не делаю вид, что даю ему советы. По правде сказать, он утомил нас своими капризами – и меня, и его мать. Он как бульдозер. Он нас раскатал. Мы раскатаны. Мы больше не противимся.

Инес смотрит на него потрясенно. Давид улыбается сам себе.

– Вот так откровение! – говорит Валентина. – Я таких не слыхала много лет. А ты, Консуэло?

– И я много, – говорит Консуэло. – Довольно сильно! Спасибо, Симон. Так что же вы скажете на наше предложение – отправить Давида в Академию Танца?

– Где эта Академия? – спрашивает Инес.

– В городе, в самом его центре, в том же здании, что и музей искусств. На ферме вы остаться не сможете, к сожалению. Это слишком далеко. Ездить будет для вас чересчур обременительно. Вам придется найти жилье в городе. Но вам на ферме все равно оставаться ни к чему – раз урожай уже собрали. Тут будет слишком одиноко, слишком скучно.

– Нам вовсе не скучно, – говорит он, Симон. – Напротив – нам превосходно. Нам здесь было прекрасно каждую минуту. Более того, мы договорились с Робертой, что я буду помогать по хозяйству, пока мы обитаем в казарме. Всегда найдется мелкая работа, даже не в сезон. Обрезка, например. Уборка.

Он смотрит на Роберту – ищет поддержки. Та упорно глядит в сторону.

– Под казармой вы имеете в виду общежитие, – говорит Валентина. – Общежития на зиму закроются, поэтому вам не удастся там остаться. Но Роберта может посоветовать, где искать жилье. А если ничего не получится, всегда есть *Asistencia*.

Инес встает. Он – следом за ней.

– Вы так и не ответили, – говорит Консуэло. – Вам нужно время обсудить? Как вам такая мысль, юноша? Разве не хочется в Академию Танца? Там будут другие дети.

– Я хочу остаться здесь, – говорит мальчик. – Я не люблю танцевать.

– К сожалению, – говорит сеньора Валентина, – здесь ты остаться не сможешь. Более того, поскольку ты очень мал и не знаешь мира, у тебя есть лишь предрассудки, ты не можешь принимать решения о своем будущем. Я считаю… – она протягивает руку, берет его за подбородок, поднимает ему голову так, чтобы он смотрел прямо на нее, – …что тебе надо дать твоим родителям, Инес и Симону, обсудить наше предложение, а затем подчиниться любому решению, которое они примут, в духе сыновнего послушания. Понял?

Давид ровно смотрит на нее.

– Что такое «сыновнее послушание»? – спрашивает он.

Глава 5

Фасад музея искусств, расположенного на северной стороне главной площади Эстреллы, украшают высокие колонны из песчаника. Он, Инес и мальчик попадают в здание, как и было велено, минуя главный вход, через узкую дверь, выходящую в переулок, над которой яркими золотыми буквами значится *«Academia de la Danza»*, и далее следуют по стрелке, указывающей на лестницу. Поднимаются на второй этаж, проходят через распашные двери и оказываются в просторной ярко освещенной студии, пустой, если не считать пианино в углу.

Входит женщина – высокая, стройная, облаченная с головы до пят в черное.

– Чем могу помочь? – спрашивает она.

– Мы бы хотели поговорить с кем-нибудь о записи моего сына, – говорит Инес.

– Записи вашего сына – куда?..

– Записи его в вашу Академию. Насколько я понимаю, сеньора Валентина разговаривала об этом с вашим директором. Моего сына зовут Давид. Она уверила нас, что дети, записанные к вам в Академию, получают и общее образование. В смысле, не только танцуют. – Она произносит слово «танцуют» с некоторым презрением. – Нас в первую очередь интересует общее образование, а танцы – не очень.

– Сеньора Валентина говорила нам о вашем сыне, все верно. Но я недвусмысленно дала ей понять и так же откровенно скажу вам, сеньора: это не обычная школа и не замена ей. Эта Академия занимается воспитанием души через музыку и танец. Если вашему сыну требуется обычное обучение, вам лучше воспользоваться услугами государственного образования.

«Воспитание души». Он касается руки Инес.

– Если позволите… – говорит он, обращаясь к бледной молодой женщине – столь бледной, что она кажется обескровленной, – *alabastra* приходит ему на ум, – но тем не менее красивой, поразительно красивой, и, возможно, это вызвало в Инес враждебность – красота, словно у статуи, ожившей и пробравшейся сюда из музея. – Если позволите… Мы в Эстрелле приезжие, новенькие. Мы работали на ферме у сеньоры Валентины и ее сестер временно, пока здесь не обосновались. Сестры любезно заинтересовались судьбой Давида и предложили финансовую помощь, чтобы он мог посещать вашу Академию. Академию они очень хвалят. Говорят, что вы знамениты образованием в целом, что ваш директор, сеньор Арройо, – почтенный работник образования. Можно ли нам добиться встречи с сеньором Арройо?

– Сеньор Арройо, мой муж, сейчас не может вас принять. На этой неделе нет занятий. Они возобновятся в понедельник, после каникул. Но если хотите обсудить практические вопросы – можете обсудить их со мной. Во-первых, ваш сын будет у нас пансионером?

– На пятидневке? Нам не сказали, что ученики могут в Академии жить.

– У нас мало мест для проживающих учеников.

– Нет, Давид будет жить дома, правда, Инес?

Инес кивает.

– Хорошо. Во-вторых, обувь. У вашего сына есть бальные туфли? Нет? Бальные туфли ему понадобятся. Я напишу вам адрес магазина, где вы сможете их приобрести. А также одежду полегче и поудобнее. Важно, чтобы тело было свободно.

– Бальные туфли. Учтем. Вы только что говорили о душе, о воспитании души. В каком направлении вы воспитываете душу?

– В направлении добра. Повиновения добру. А почему вы спрашиваете?

– Просто так. А каково остальное расписание, помимо танцев? Нужно ли купить какие-нибудь книги?

Во внешности этой женщины есть нечто настораживающее, чего он не может толком определить. А теперь понимает, в чем дело. У нее нет бровей. Брови у нее либо выщипаны, либо сбриты – а может, они никогда и не росли. Ниже ее светлых, довольно редких волос, туго стянутых на затылке, простирается нагой лоб, широкий, как его ладонь. Глаза – синее небесного – спокойно, уверенно встречаются взглядом с его. «Она видит меня насквозь, – думает он, – что бы я ни говорил». Не такая уж и молодая, как сначала показалось. Тридцать? Тридцать пять?

– Книги? – Она небрежно отмахивается. – С книгами позже. Всему свое время.

– А классы? – говорит Инес. – Можно нам посмотреть классы?

– Это наш единственный класс. – Она обводит взглядом студию. – Здесь дети танцуют. – Приблизившись, она берет Инес за руку. – Сеньора, вам необходимо понять: это Академия Танца. Танец – в первую очередь. Все остальное – вторично. Все остальное – потом.

От ее прикосновения Инес зримо деревенеет. Ему хорошо известно, как Инес противится человеческому прикосновению – и уж точно его сторонится.

Сеньора Арройо поворачивается к мальчику.

– Давид – так тебя зовут?

Он ожидает от мальчика привычной дерзости, привычного отрицания («Это ненастоящее мое имя»). Но нет: мальчик обращает к ней лицо, словно раскрытый цветок.

– Добро пожаловать в нашу Академию, Давид. Я уверена, тебе здесь понравится. Меня зовут сеньора Арройо, и я буду за тобой присматривать. Ты слышал, что я сказала твоим родителям о бальных туфлях и о том, что нужно носить свободную одежду?

– Да.

– Хорошо. Тогда жду тебя в понедельник утром, ровно в восемь. Начнется новая четверть. Иди сюда. Потрогай пол. Славный, да? Его положили специально для танцев, это доски из кедра, растущего высоко в горах, их сделали плотники, настоящие искусники, и пол у них получился настолько гладкий, насколько это вообще возможно. Мы вощим его каждую неделю, до блеска, и каждый день его полируют ногами ученики. Видишь, какой он гладкий и теплый! Чувствуешь тепло?

Мальчик кивает. Никогда прежде не был он таким отзывчивым – отзывчивым, доверчивым, подобным ребенку.

– Тогда до свиданья, Давид. Увидимся в понедельник, приходи в новых туфлях. До свиданья, сеньора. До свиданья, сеньор. – Распашные двери закрываются за ней.

– Она высокая, да? Сеньора Арройо, – говорит он мальчику. – Высокая и изящная, как настоящая танцорша. Она тебе нравится?

– Да.

– Значит, решено? Будешь ходить к ней в школу?

– Да.

– И можно сообщить Роберте и трем сестрам, что наш поход состоялся?

– Да.

– Что скажешь, Инес? Состоялся наш поход?

– Я тебе скажу, что думаю, когда увижу, что тут за образование.

Перегораживая им выход на улицу, к ним спиной стоит мужчина. На нем мятый серый мундир, фуражка сдвинута назад, он курит сигарету.

– Позвольте пройти, – говорит он, Симон.

Мужчина – очевидно, погруженный в мечтания, – вздрагивает, затем широким жестом приглашает их к выходу:

– Сеньора, сеньоры…

Они минуют его, и их обволакивает табачным дымом и запахом нестираной одежды.

На улице они медлят, оглядываются по сторонам, и мужчина в сером спрашивает:

– Сеньор, вы ищете музей?

Он оборачивается.

– Нет, у нас были дела в Академии Танца.

– А, Академия Аны Магдалены! – Голос у него глубокий – настоящий бас. Он отбрасывает сигарету, подходит ближе. – Сдается мне, ты собираешься поступить в Академию, юноша, и сделаться знаменитым танцором, угадал? Надеюсь, ты найдешь когда-нибудь время и станцуешь для меня. – Он оголяет пожелтевшие зубы в широкой радушной улыбке. – Добро пожаловать! Если станешь посещать Академию, мы будем часто видеться, так что позволь представиться. Меня зовут Дмитрий. Я работаю в музее старшим смотрителем – такая у меня должность, громкая! Чем занят старший смотритель? Ну, задача старшего смотрителя – сторожить музейные картины и скульптуры, беречь их от пыли и естественных врагов, надежно запирать по вечерам и выпускать на свободу по утрам. Как старший смотритель я здесь каждый день, кроме суббот, и потому, само собой, вижусь со всей детворой в Академии и с их родителями. – Тут он обращается к нему, Симону: – Как вам достопочтенная Ана Магдалена? Произвела впечатление?

Он, Симон, переглядывается с Инес.

– Мы потолковали с сеньорой Арройо, но пока ничего не решили, – говорит он. – Нужно все взвесить.

Освободитель статуй и картин Дмитрий хмурится.

– Незачем. Незачем что-либо взвешивать. Откажетесь от Академии – сделаете глупость. Жалеть будете до конца своих дней. Сеньор Арройо – мастер, настоящий мастер. Другого слова нету. Для нас честь жить с ним в одном городе – а Эстрелла великим городом никогда не была – и отдавать наших детей ему в обучение искусству танца. Будь я на месте вашего сына, я бы бился день и ночь, чтобы меня приняли в Академию. Выбросьте из головы любые другие варианты, какие б ни были.

Он не уверен, что Дмитрий ему нравится, – в скверно пахнущей одежде, с сальными волосами. И ему уж точно не нравится, когда его поучают на людях (разгар утра, на улице полно народу).

– Ну, – говорит он, – решать нам, верно, Инес? А теперь нам пора. До свиданья. – С этими словами он берет мальчика за руку, и они уходят.

В машине мальчик заговаривает впервые.

– Почему он тебе не понравился?

– Музейный смотритель? Дело не в том, понравился он или нет. Он – чужой человек. Он нас не знает, не знает наших обстоятельств. Ему не следует совать свой нос в наши дела.

– Он тебе не нравится, потому что у него борода.

– Чепуха.

– Нет у него бороды, – говорит Инес. – Есть разница между красивой опрятной бородой и пренебрежением к собственной внешности. Этот человек не бреется, не моется, не носит чистую одежду. Плохой пример детям.

– А кто хороший пример детям? Симон – хороший пример?

Молчание.

– Ты хороший пример, Симон? – настаивает мальчик.

Инес за него не вступается, и ему приходится защищаться самому.

– Я стараюсь, – говорит он. – Я стараюсь быть хорошим примером. И если мне не удается, это не потому что я стараюсь мало. Надеюсь, в целом я до сих пор был хорошим примером. Но об этом судить тебе.

– Ты не отец мне.

– Нет, не отец. Но это не отменяет моего права – верно? – быть примером.

Мальчик не отвечает. Он вообще теряет всякий интерес, отключается, рассеянно смотрит в окно (они едут мимо унылейшего района, квартал за кварталом маленьких домиков, похожих на коробки). Повисает долгое молчание.

– Дмитрий – он как ятаган, – вдруг говорит мальчик. – Голову рубить. – Пауза. – Он мне нравится, пусть тебе и нет. Я хочу в Академию.

– Дмитрий никакого отношения к Академии не имеет, – говорит Инес. – Он просто привратник. Если хочешь в Академию, если ты решился – пойдешь. Но как только они начнут жаловаться, что ты слишком для них умный, и захотят послать тебя к психологам и психиатрам, я тебя сразу заберу.

– Чтобы танцевать, ума не надо, – говорит мальчик. – Когда мы купим мне бальные туфли?

– Купим сейчас. Симон отвезет нас в обувной магазин, по адресу, который дала та дама.

– Ты и ее тоже ненавидишь? – спрашивает мальчик.

Теперь черед Инес уставиться в окно.

– Она мне нравится, – говорит мальчик. – Она пригожая. Пригожее тебя.

– Пора тебе научиться судить людей по их внутренним свойствам, – говорит он, Симон. – А не по тому, пригожие они или нет. И есть ли у них борода.

– А какие бывают внутренние свойства?

– Внутренние свойства – это доброта, честность и чувство справедливости. Ты про них наверняка читал в «Дон Кихоте». Внутренних свойств очень много, больше, чем я могу с ходу назвать: чтобы знать весь список целиком, нужно быть философом, но пригожесть – не внутреннее свойство. Твоя мама – такая же пригожая, как и сеньора Арройо, только по-другому.

– Сеньора Арройо – добрая.

– Да, согласен, похоже, добрая. И ты ей, кажется, понравился.

– Значит, у нее есть внутренние свойства.

– Да, Давид, она добрая – вдобавок к пригожести. Но пригожесть и доброта не связаны друг с другом. Пригожесть – случайное свойство, вопрос удачи. Можно родиться пригожим или невзрачным, мы этого сами не решаем. А вот быть добрым – не случайность. Мы не рождаемся добрыми. Добрыми мы быть учимся. Мы становимся добрыми. Вот в чем разница.

– У Дмитрия тоже есть внутренние свойства.

– У Дмитрия запросто могут быть внутренние свойства, я, вероятно, поспешил его судить, соглашусь. Я просто пока их не заметил, эти его внутренние свойства. Их сегодня не было видно.

– Дмитрий – добрый. А что такое «достопочтенная»? Почему он сказал «достопочтенная Ана Магдалена»?

– Достопочтенная. Это слово ты тоже наверняка видел в «Дон Кихоте». Почитать кого-нибудь – значит, уважать его или ее и отдавать ему или ей должное. Однако Дмитрий это слово использовал иронически. Он, что ли, шутил. «Достопочтенный» – слово, которое обычно применяют к людям постарше, а не к кому-то в возрасте сеньоры Арройо. К примеру, если б я звал тебя «достопочтенным юным Давидом», это бы звучало потешно.

– *Достопочтенный старый Симон*. Тоже потешно.

– Как скажешь.

Бальные туфли, как выясняется, бывают лишь двух видов – золотые и серебряные. Мальчик отвергает и те и другие.

– Это для Академии сеньора Арройо? – спрашивает продавец в обувном магазине.

– Да.

– Все дети в Академии носят наши туфли, – говорит продавец. – Либо золотые, либо серебряные, без исключения. Если появитесь на занятиях в черных или белых, молодой человек, смотреть на вас будут косо.

Продавец – высокий сутулый человек с усами такими тоненькими, будто они нарисованы у него над верхней губой углем.

– Слышишь, что говорит этот господин, Давид? – говорит он, Симон. – Либо золотые, либо серебряные, либо танцуй в носках. Что решим?

– Золотые, – говорит мальчик.

– Значит, золотые, – сообщает он продавцу. – Сколько они стоят?

– Сорок девять реалов, – говорит продавец. – Пусть примерит эту пару, чтобы размер был его.

Он, Симон, взглядывает на Инес. Инес качает головой.

– Сорок девять реалов за детские туфли, – говорит она. – Как можно драть такую цену?

– Они сделаны из лайки. Это не обычные туфли. Они созданы для танцоров. У них встроенная поддержка стопы.

– Сорок реалов, – говорит Инес.

Человек качает головой.

– Хорошо, сорок девять, – говорит он, Симон.

Человек усаживает мальчика, снимает с него обувь, натягивает ему бальные туфли. Точно по ноге. Он, Симон, платит человеку сорок девять реалов. Человек упаковывает туфли в коробку и отдает ее Инес. Они молча уходят из магазина.

– Можно я сам понесу? – говорит мальчик. – Они уйму денег стоили?

– За пару туфель – уйму, – говорит Инес.

– Но это уйма денег?

Он ждет, что ответит Инес, но та молчит.

– Нет такого понятия, как просто уйма денег, – говорит он терпеливо. – Сорок девять реалов – уйма денег за пару туфель. Вообще же сорок девять реалов могут быть и не уймой денег – за машину или дом. Вода стоит в Эстрелле самую малость, а вот если ты окажешься в пустыне и начнешь умирать от жажды – будешь готов отдать все, что у тебя есть, за один лишь глоток воды.

– Почему? – говорит мальчик.

– Почему? Потому что жить – важнее всего на свете.

– Почему жить – важнее всего на свете?

Он собирается ответить, собирается поделиться точными, терпеливыми, вдумчивыми словами, но в нем вдруг вскипает нечто иное. Гнев? Нет. Раздражение? Нет – нечто куда сильнее. Отчаяние? Вероятно – отчаяние, малая его ипостась. Почему? Потому что он хотел бы верить, что, отвечая на все прибывающие «Почему?» точно, терпеливо и вдумчиво, ведет мальчика по лабиринту смертной жизни. Но есть ли хоть какое-то доказательство тому, что этот ребенок впитывает предложенные наставления – или хотя бы слышит, что ему говорят?

Он останавливается посреди людного тротуара. Инес с мальчиком тоже замирают и глядят на него растерянно.

– Допустим, так, – говорит он. – Бредем мы по пустыне, ты, Инес и я. Ты говоришь мне, что тебя мучает жажда, и я предлагаю тебе стакан воды. Ты ее при этом не пьешь, а выливаешь на песок. Ты говоришь, что тебя мучает жажда ответов: почему так? почему это? Я терпеливый, и я люблю тебя – и потому всякий раз даю тебе ответы, которые ты выливаешь на песок. Сегодня я наконец устал давать тебе воду. «Почему жить – важнее всего на свете?» Если жизнь не представляется тебе важной – пусть так.

Инес ошарашенно вскидывает руку ко рту. А мальчик хмурится.

– Ты говоришь, что любишь меня, а ты меня не любишь, – говорит он. – Ты притворяешься.

– Я предлагаю тебе ответы, лучше которых у меня нет, а ты отбрасываешь их, как ребенок. Не удивляйся, что у меня на тебя иногда не хватает терпения.

– Ты всегда так говоришь. Ты всегда говоришь, что я ребенок.

– Потому что ты ребенок – и глупый к тому же иногда.

Женщина средних лет с корзиной для продуктов в руке останавливается послушать. Она шепчет что-то на ухо Инес – ему не слышно. Инес поспешно мотает головой.

– Пошли отсюда, – говорит Инес, – а не то приедет полиция и заберет нас.

– Почему полиция нас заберет? – спрашивает мальчик.

– Потому что Симон ведет себя как безумец, а мы стоим и слушаем его чепуху. Потому что он нарушает общественный порядок.

Глава 6

Наступает понедельник, и везти мальчика в новую школу выпадает ему, Симону. Они приезжают туда задолго до восьми утра. Дверь в студию отперта, но там пусто. Он садится на табурет у пианино. Они ждут.

Отворяется задняя дверь, входит сеньора Арройо, облаченная, как и прежде, в черное. Не обращая на него внимания, она стремительно приближается к мальчику, берет его за руки.

– Добро пожаловать, Давид, – говорит она. – Я вижу, ты пришел с книгой. Покажешь?

Мальчик протягивает ей «Дон Кихота». Она осматривает книгу, нахмурившись, листает, возвращает ему.

– А бальные туфли у тебя с собой?

Мальчик извлекает туфли из тряпичного мешка.

– Хорошо. Знаешь, как мы называем золото и серебро? Мы называем их благородными металлами. Железо, медь и свинец мы зовем рабскими металлами. Благородные металлы – высшие, а рабские – низшие. Так же, как и металлы, есть благородные числа и рабские. Ты научишься танцевать благородные числа.

– Они не из настоящего золота, – говорит мальчик. – Это просто цвет.

– Это просто цвет, но у цвета есть смысл.

– Я пойду, – говорит он, Симон. – Вернусь забрать тебя после обеда. – Он целует мальчика в макушку. – До свиданья, мой мальчик. До свиданья, сеньора.

Чтобы как-то убить время, он забредает в музей. Стены завешаны довольно негусто. «Теснина Зафиро на закате». «Композиция I». «Композиция II». «Выпивоха». Имя художника ему ничего не говорит.

– Доброе утро, сеньор, – произносит знакомый голос. – Какие у вас впечатления?

Это Дмитрий, *sans* фуражки, растрепанный так, словно только что из постели.

– Интересные, – отвечает он. – Я не специалист. А есть в Эстрелле школа живописи – стиль Эстреллы?

Дмитрий не обращает на этот вопрос внимания.

– Я видел, как вы привезли сына. Большой для него день – первый день с сеньорами Арройо.

– Да.

– Вы улучите возможность поговорить с сеньорой Арройо, Аной Магдаленой. Какая танцорша! До чего грациозная! Но, увы, бездетная. Она хочет своих детей, но не может. Ее это терзает, мучает. Так и не скажешь – если поглядеть на нее, правда? Мучает? С виду – безмятежный ангел, что питается нектаром. Тут чуть-чуть, там чуть-чуть, большего и не надо. Но есть дети сеньора Арройо, от первого брака, она им мать. А еще дети-пансионеры. Столько нужно раздать любви. Вы знакомы с сеньором Арройо? Нет? Пока нет? Великий человек, настоящий идеалист, живет исключительно своей музыкой. Сами увидите. К сожалению, не все время крепко стоит на земле, если вы понимаете, к чему я клоню. Витает в облаках. Вот Ане Магдалене и приходится делать всю тяжкую работу – ставить малышам танцы, кормить пансионеров, хозяйством заниматься, следить за делами Академии. И все она делает! Великолепно! Ни слова жалоб! Сама невозмутимость! Таких женщин – одна на тысячу. Ею все восхищаются.

– И все это – в одном доме, в Академии Танца? И пансион для учеников, и дом Арройо?

– Ой, здесь прорва места. Академия занимает весь верхний этаж. Вы сами откуда, сеньор, и семья ваша?

– Из Новиллы. Мы жили в Новилле до недавнего времени, пока не двинулись на север.

– Новилла. Никогда раньше не слышал. Я сам из Эстреллы и всегда жил здесь.

– И все это время работаете в музее?

– Нет-нет-нет, я всех своих работ уже и не упомню. Такая у меня натура – беспокойная. Начинал грузчиком на базаре. Потом чуть-чуть – дорожным рабочим, но мне не понравилось. Затем долго работал в больнице. Ужасно. Ужасный график. Но зато трогательно! А потом пришел день, и вся моя жизнь переменилась. Не преувеличиваю. Переменилась к лучшему. Болтался я по площади, по своим делам, и тут она прошла мимо. Я глазам своим не поверил. Думал – виденье. Такая красивая. Неземная. Подскочил я и побрел за ней – как собака. Неделями ошивался я возле Академии – чтоб хоть одним глазком еще ее повидать. Она, само собой, на меня ноль внимания. С чего бы? На такого урода, как я. И тогда я увидел объявление, что в музее есть работа – уборщиком, нижняя ступенька лестницы, ну и, короче говоря, начал я тут работать и остался. Сначала сделали смотрителем, а в прошлом году – старшим смотрителем. За прилежание и пунктуальность.

– Не уверен, что понимаю вас. Вы о сеньоре Арройо говорите?

– Об Ане Магдалене. Перед которой я преклоняюсь. И мне не стыдно в этом признаваться. Вы бы тоже, небось, если б преклонялись перед женщиной, пошли бы за ней на край света, а?

– Музей – это не край света, прямо скажем. А как сеньор Арройо относится к вашему преклонению перед его женой?

– Сеньор Арройо – идеалист, я вам сказал уже. У него голова невесть где, в небесных сферах, где витают числа.

Ему, Симону, этот разговор приелся. Он не приглашал этого мужчину откровенничать.

– Мне пора, есть одно дело, – говорит он.

– Я думал, вы хотели посмотреть живопись эстрелльской школы.

– В другой раз.

До конца школьного дня еще не один час. Он покупает газету, садится в кафе на площади, заказывает чашку кофе. На первой странице фотография пожилой пары с исполинской тыквой из их огорода. Она весит четырнадцать килограммов, сообщает заметка, и побивает предыдущий рекорд почти на килограмм. На второй странице криминальная хроника описывает похищение газонокосилки из сарая (незапертого) и вандализм в общественном туалете (разбили рукомойник). Развернуто приводятся материалы заседаний муниципального совета и его многочисленных подкомитетов: подкомитета по бытовому обслуживанию, подкомитета по дорогам и мостам, подкомитета по финансам, подкомитета, занятого организацией грядущего театрального фестиваля. Далее – спортивные страницы, с предвкушением апогея футбольного сезона – скорой схватки команд Арагонсы и Северной Долины.

Он просматривает колонки вакансий. Укладчик кирпича. Каменщик. Электрик. Бухгалтер. Чего он ищет? Легкой работы, возможно. Садоводство. Портовые грузчики, разумеется, не требуются.

Расплачивается за кофе.

– Есть ли в городе Центр переселения? – спрашивает он у официантки.

– Само собой, – отвечает она и объясняет, где это.

Центр переселения в Эстрелле – совсем не такой громадный, как в Новилле: всего-то тесное бюро в переулке. За столом – бледноликий, довольно скорбного вида молодой человек в клочковатой бороде.

– Добрый день, – говорит он, Симон. – Я недавно прибыл в Эстреллу. Последний месяц с небольшим трудился в долине, разнорабочим – в основном собирал фрукты. Сейчас ищу что-нибудь более постоянное, желательно – в городе.

Конторщик извлекает каталожный ящик и ставит его на стол.

– Кажется, что много, а на самом деле большинство карточек недействительно, – сообщает он доверительно. – Беда в том, что люди не сообщают нам, когда вакансия уходит. Может, вот это: химчистка «Оптима». Знаете что-нибудь о химической чистке?

– Ничего, но дайте записать адрес. А нет ли у вас чего-нибудь более физического – на свежем воздухе?

Конторщик пренебрегает этим вопросом.

– Кладовщик на складе запчастей. Интересует? Никакого опыта не требуется, главное – управляться с цифрами. Вы умеете управляться с цифрами?

– Я не математик, но считать умею.

– Как я уже сказал, обещать, что вакансия все еще открыта, не могу. Видите, как чернила поблекли? – Он подносит карточку к свету. – Это значит, что карточка старая. Или вот это? Машинистка в юридическую контору. Печатать умеете? Нет? Тогда вот еще: уборщик в художественном музее.

– Эта вакансия ушла. Я знаю человека, который ее занял.

– А переобучение не рассматриваете? Возможно, это для вас лучший вариант: записаться на курсы и переучиться на новое ремесло. Пока обучаетесь, пособие по безработице будете получать.

– Я подумаю, – говорит он. О том, что о своей незанятости куда надо не сообщал, он не упоминает.

Приближается три часа пополудни. Он возвращается к Академии. В дверях – Дмитрий.

– За сыном явились? – говорит Дмитрий. – Я непременно тут, когда малыши выходят с занятий. Наконец-то свободны! Такие они оживленные, столько в них радости! Ощутить бы опять эту радость – хоть на минуту. Я из своего детства не помню ничего – ни минуты. Полная пустота. Скорблю об этой утрате. Детство – оно заземляет. Дает корни в мире. А я как дерево, которое выкорчевало бурей жизни. Понимаете, о чем я? Вашему мальчику повезло – у него есть детство. А у вас? Было у вас детство?

Он, Симон, качает головой.

– Нет, я прибыл полностью взрослым. Увидели меня – и сразу записали в пожилые. Ни детства, ни юности, ни воспоминаний. Смыло начисто.

– Ну, что проку тосковать. У нас по крайней мере есть счастливая возможность быть рядом с молодыми. Может, толика их ангельской пыли и в нас вотрется. Чу! Конец танцам на сегодня. Сейчас будут возносить благодарение. День всегда заканчивается благодарственной молитвой.

Они вместе прислушиваются. В молчание просачивается тихое гудение. А затем двери Академии распахиваются, и дети несутся вниз по лестнице, мальчики и девочки, светленькие и темненькие.

– Дмитрий! Дмитрий! – кричат они, и через мгновение Дмитрий окружен со всех сторон. Он сует руки в карманы и извлекает горсти конфет, которые швыряет в воздух. Дети бросаются на сладкое. – Дмитрий!

Последними рука об руку появляются сеньора Арройо и, глаза долу, смирен необычайно, Давид – в золотых туфлях.

– До свиданья, Давид! – говорит сеньора Арройо. – Завтра утром увидимся.

Мальчик не отвечает. Когда они садятся в машину, он забирается на заднее сиденье. Через минуту он уже спит – и не просыпается вплоть до самой фермы.

Инес ждет их с сэндвичами и какао. Мальчик ест и пьет.

– Как прошел день? – наконец спрашивает она. Нет ответа. – Ты танцевал? – Он рассеянно кивает. – Покажешь нам потом, как ты танцевал?

Не ответив, мальчик забирается на верхнюю койку и сворачивается клубком.

– Что такое? – шепчет Инес ему, Симону. – Что-то случилось?

Он пытается ее успокоить.

– Просто ошалел немножко, вот и все. Он целый день провел среди незнакомых людей.

После ужина мальчик более разговорчив.

– Ана Магдалена учила нас числам, – говорит он им. – Показала нам Два и Три, и ты, Симон, ошибался, и сеньор Роблес тоже ошибался, вы оба ошибались – числа в небе *есть*. Они там живут, вместе со звездами. Их нужно позвать, и тогда они спустятся.

– Это вам сеньора Арройо сказала?

– Да. Она показала нам, как позвать Два и Три. Один позвать нельзя. Один спускается сам.

– Ты нам покажешь, как позвать эти числа? – говорит Инес.

Мальчик качает головой.

– Нужно танцевать. И нужна музыка.

– А если я включу радио? – спрашивает он, Симон. – Может, там будет музыка, под которую танцевать.

– Нет. Это должна быть особая музыка.

– А что еще сегодня происходило?

– Ана Магдалена дала нам печенье и молоко. И изюм.

– Дмитрий сказал мне, вы молитесь в конце дня. Кому вы молились?

– Это не молитва. Ана Магдалена дает звук арки, и нам нужно с ним сонастроиться.

– Что такое «арка»?

– Я не знаю, Ана Магдалена нам не дала посмотреть, говорит, это тайна.

– Очень загадочно. Я у нее спрошу, когда в следующий раз увижу. Но, судя по всему, день у тебя получился хороший. И все благодаря доброте сердец сеньоры Альмы, сеньоры Консуэло и сеньоры Валентины, что они приняли в тебе участие. Академия Танца, где ты учишься призывать числа со звезд! И где ты получаешь печенье и молоко из рук пригожей дамы! Как же нам повезло, что мы оказались в Эстрелле! Согласен? Представляешь, какой ты везучий? Вот так благодать, чувствуешь?

Мальчик кивает.

– Я-то вот точно чувствую. Думаю, мы, должно быть, самая везучая семья на свете. А теперь пора почистить зубы, лечь спать и хорошенько выспаться, чтобы утром у тебя снова были силы танцевать.

День приобретает новый распорядок. В шесть тридцать он будит мальчика и кормит его завтраком. В семь они уже в машине. На дорогах транспорта немного, и у Академии он высаживает мальчика задолго до восьми. Затем оставляет машину на площади и следующие семь часов безнадежно скитается в поисках работы, или осматривает квартиры, или – чаще всего – просто сидит в кафе и читает газету, пока не приходит время забрать мальчика домой.

На их с Инес расспросы о том, как проходят его школьные дни, мальчик отвечает кратко и неохотно. Да, ему нравится сеньор Арройо. Да, они разучивают песни. Нет, уроков чтения у них не было. Нет, они не учатся сложению. О таинственной арке, чей звук сеньора Арройо дает в конце дня, он так ничего и не скажет.

– Почему вы каждый раз спрашиваете, что я сегодня делал? – говорит мальчик. – Я же не спрашиваю, что делали вы. Да вы и не понимаете.

– Чего мы не понимаем? – спрашивает Инес.

– Вы ничего не понимаете.

После этого они перестают его допрашивать. Пусть сам расскажет, когда захочет, говорят они себе.

Однажды вечером он, Симон, нечаянно забредает в женское общежитие. Инес, стоя на коленях на полу, взглядывает на него с неудовольствием. Мальчик, в одних трусах и золотых бальных туфлях, замирает в движении.

– Уходи, Симон! – кричит мальчик. – Тебе нельзя смотреть!

– Почему? На что мне нельзя смотреть?

– Он разучивает нечто сложное, – говорит Инес. – Ему нужно сосредоточиться. Уходи. Закрой дверь.

Удивленный, растерянный, он отступает, но остается послушать за дверью. Ничего не слышно.

Позже, когда мальчик уже засыпает, он спрашивает Инес:

– Что происходит такого личного, чего мне нельзя видеть?

– Он разучивает новые движения.

– Но что в этом секретного?

– Он считает, что ты не поймешь. Он думает, ты над ним посмеешься.

– Если учесть, что мы его отправили в Академию Танца, чего это мне смеяться над тем, что он танцует?

– Он говорит, ты не понимаешь числа. Говорит, ты злой. Злой к числам.

Она показывает ему схему, которую мальчик привез домой: пересекающиеся треугольники, в вершинах – числа. Смысла схемы он не понимает.

– Он говорит, так они учат числа, – говорит Инес. – Через танец.

На следующее утро по дороге в Академию он заводит об этом разговор.

– Инес показала мне твою танцевальную схему, – говорит он. – Что обозначают числа? Это положения твоих ног?

– Это звезды, – говорит мальчик. – Это астрология. Закрываешь глаза, когда танцуешь, и видишь в голове звезды.

– А как же счет? Разве вы с сеньором Арройо не под счет танцуете?

– Нет. Просто танцуем. Танец – то же самое, что счет.

– То есть сеньор Арройо просто играет, а вы просто танцуете. Что-то не попадались мне раньше такие танцевальные уроки. Спрошу у сеньора Арройо, нельзя ли мне побывать у вас на занятиях.

– Нельзя. Тебя не пустят. Сеньор Арройо говорит, что никому нельзя.

– Когда же я посмотрю, как ты танцуешь?

– Посмотри сейчас.

Он смотрит на мальчика. Мальчик сидит неподвижно, глаза закрыты, на губах – едва заметная улыбка.

– Это не танец. Нельзя танцевать, сидя в машине.

– Можно. Смотри. Станцую еще.

Он, Симон, растерянно качает головой. Они приезжают к Академии. Из теней подъезда появляется Дмитрий. Ерошит мальчику гладко причесанные волосы.

– Готов к новому дню?

Глава 7

Рано вставать Инес не нравилось никогда. Однако после трех недель на ферме, где нечего делать – только болтать с Робертой да ждать, когда вернется ребенок, – она однажды утром в понедельник просыпается так рано, что едет вместе с ними в город. Первым делом направляется к парикмахеру. Затем, уже придя в себя, заглядывает в магазин дамской одежды и покупает себе новое платье. Поболтав с кассиршей, узнает, что им нужна продавщица. Не раздумывая, она обращается к хозяйке лавки, и та предлагает ей работу.

Нужда переехать с фермы в город внезапно делается насущной. Инес сама берется искать жилье и за несколько дней находит квартиру. Квартира сама по себе невыразительная, район унылый, однако на пешем расстоянии от центра города, а рядом есть парк, где можно гулять с Боливаром.

Они собирают пожитки. В последний раз он, Симон, уходит в поля. Вечерние сумерки, волшебное время. Птицы чирикают в ветвях, устраиваясь на ночлег. Издали доносится звон овечьих бубенцов. Не зря ли они покидают это цветущее место, которое было к ним так любезно?

Они прощаются.

– Надеемся увидеть вас на сборе урожая, – говорит Роберта.

– Обещаем, – говорит он, Симон. Сеньоре Консуэло (сеньора Валентина занята, сеньора Альма борется со своими бесами) он говорит: – Не передать словами, как мы благодарны вам и вашим сестрам за щедрость.

На это сеньора Консуэло отвечает:

– Не за что. В другой жизни вы бы сделали то же самое для нас. До свиданья, юный Давид. Будем ждать, когда воссияет твое имя.

В первый вечер в новом доме они вынуждены спать на полу, поскольку заказанную мебель еще не привезли. Утром они покупают кое-какую кухонную утварь. Денег остается немного.

Он, Симон, выходит на почасовую работу, – доставлять рекламные материалы по домам. К работе прилагается велосипед с большой корзиной, прикрученной над передним колесом. Он – один из четверых курьеров (пути с тремя другими у него пересекаются редко), ему предписано обслуживать северо-восточный сектор города. В школьные часы он мотается по улицам своего сектора и распихивает листовки по почтовым ящикам: уроки фортепиано, средства от облысения, стрижка изгородей, ремонт электричества (доступные цены). Это в некотором смысле интересная работа – полезная для здоровья и не неприятная (хотя на крутые улицы велосипед приходится вкатывать). Это способ узнавать город, а также знакомиться с людьми, заводить новые связи. Петушиный клич приводит его ко двору человека, содержащего птицу, человек берется снабжать их курятиной, еженедельно, по цене в пять реалов, а за дополнительный реал готов сам птицу бить и потрошить.

Но зима уже дышит в спину, и он страшится дождливых дней. Хотя ему выдан просторный клеенчатый дождевик и моряцкая клеенчатая шляпа, дождь, тем не менее, все равно просачивается. Его, замерзшего и промокшего, время от времени подмывает выкинуть листовки и вернуть велосипед на стоянку. Искушение велико, но он не поддается. Почему? Он не знает наверняка. Возможно, потому что ощущает определенные обязательства перед городом, который предложил ему новую жизнь, хоть он и не понимает, как город, у которого нет чувств, нет ощущений, может выиграть от раздачи гражданам рекламы наборов столовых приборов на двадцать четыре персоны в красивых подарочных коробках по низкой цене.

Он думает о супругах Арройо, чьему благополучию в малой мере способствует, крутя педали под дождем. Хотя ему еще не выпадала возможность возить рекламу Академии, то,

что эта пара предлагает – звездные танцы как замену разучиванию таблицы умножения, – мало чем отличается по сути от предложения лосьона, который чудесным образом возвращает к жизни волосяные луковицы, или от вибрирующего пояса, который чудесным образом растворяет телесный жир, молекулу за молекулой. Как и он сам, и Инес, чета Арройо, скорее всего, приехала в Эстреллу со скудными пожитками; они тоже провели ночь на газетах или чем-то подобном; им тоже приходилось наскребать на жизнь, пока не заработала Академия. Может, как и ему самому, сеньору Арройо приходилось какое-то время распихивать листовки по почтовым ящикам; возможно, Ане Магдалене с ее алебастровым ликом приходилось опускаться на колени и мыть полы. Город весь исчерчен тропами иммигрантов: если б не жили они надеждой, если б не вкладывали по толике ее в общую сумму, где бы сейчас была Эстрелла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.